

Научная статья
УДК 34.343.01
<https://doi.org/10.36511/2078-5356-2022-3-156-160>

**Влияние вердикта присяжных заседателей
о снисхождении на назначаемое наказание
по уголовному законодательству
Российской империи**

Шайхутдинова Айгуль Салимовна

Никулинский районный суд г. Москвы, Москва, Россия, 4warka@mail.ru

Аннотация. Данная статья посвящена особенностям назначения наказания при вердикте присяжных заседателей о снисхождении по законодательству Российской империи, действовавшему в период с 1864 по 1917 годы, а также исследованию пределов влияния вердикта присяжных заседателей на возможное наказание.

Автор приходит к выводу, что развитие института присяжных заседателей в России в части назначения наказания не обладает исторической преемственностью. Современный российский суд, рассматривающий дела с участием присяжных заседателей, обладает меньшими правами в его компетенции и правилах назначения наказания по сравнению с соответствующими полномочиями при назначении наказания в дооктябрьской России, что свидетельствует о необходимости расширения компетенции присяжных заседателей в действующей отечественной правовой модели.

Ключевые слова: наказание, суд с участием присяжных заседателей, вердикт, снисхождение, лестница наказаний, Российская империя

Для цитирования: Шайхутдинова А. С. Влияние вердикта присяжных заседателей о снисхождении на назначаемое наказание по уголовному законодательству Российской империи // Юридическая наука и практика: Вестник Нижегородской академии МВД России. 2022. № 3 (59). С. 156—160. <https://doi.org/10.36511/2078-5356-2022-3-156-160>.

Original article

**The consequences of a conviction
deserving of leniency in the criminal legislation
of the Russian Empire**

Aigul S. Shaikhutdinova

Nikulinsky District Court of Moscow, Moscow, Russian Federation, 4warka@mail.ru

Abstract. This article is devoted to the specifics of sentencing when the jury verdicts condescension under the legislation of the Russian Empire from 1864 to 1917, as well as the limits of the jury's influence on possible punishment.

The author comes to the conclusion that the development of the institution of jurors in Russia in terms of sentencing has no historical continuity. The modern Russian court considering cases with the participation of jurors has fewer rights in its competence and rules of sentencing compared to the corresponding powers in sentencing in pre-October Russia, which indicates the need to expand the competence of jurors in the current domestic legal model.

Keywords: punishment, jurors, verdict, ladder of punishment, leniency, the Russian empire

For citation: Shaikhutdinova A. S. The consequences of a conviction deserving of leniency in the criminal legislation of the Russian Empire. *Legal Science and Practice: Journal of Nizhny Novgorod Academy of the Ministry of Internal Affairs of Russia*, 2022, no. 3 (59), pp. 156—160. (In Russ.). <https://doi.org/10.36511/2078-5356-2022-3-156-160>.

© Шайхутдинова А. С., 2022

Одним из основных демократичных и одно-значно наиболее последовательных преобразований второй половины XIX века в России является введенный в результате судебной реформы 1864 года суд с участием присяжных заседателей.

Как отмечалось в журнале Государственного Совета: «законодательство наше при издании Уложения о наказаниях не могло не принять во внимание неудовлетворительности личного состава наших судебных мест и вследствие того старалось ограничить судей в назначении наказания. С этой целью определены до мельчайших подробностей обстоятельства, могущие увеличить или уменьшить вину и наказание. Никакой закон не может ни предусмотреть всех обстоятельств, которые необходимо принять в соображение при определении подсудимому меры наказания, ни определить значения каждого из сих обстоятельств, между тем чрезмерное стеснение судей в определении наказания имеет весьма вредные для правосудия последствия. Судьи, не будучи вправе смягчить наказание подсудимому, заслуживающему, по их мнению, снисхождения, решаются скорее признать его неизобличенным, чем приговорить к наказанию чрезмерно строгому. Общественный порядок гораздо лучше поддерживается неизбежностью умеренных наказаний за преступления, чем строгостью кар, редко применяемых» [1, с. 302]. Исходя из этой позиции сформулированы статьи 774 и 828 Устава уголовного судопроизводства (далее — УУС), предоставляющие суду и присяжным право признавать подсудимого заслуживающим снисхождения по их внутреннему убеждению.

Статьи 804, 814 УУС давали право присяжным признать виновного заслуживающим снисхождения, что обязывало суд (ст. 828 УУС) снизить наказание виновному не меньше, чем на одну степень. При этом суд не обязан был приводить основания такого смягчения. В случае если судом устанавливались уменьшающие вину исключительные обстоятельства, наказание могло быть уменьшено на две степени. Вышеназванными обстоятельствами могли быть только те, что относятся к общим для всех родов преступлений (ст. 134, 153 Уложения о наказаниях уголовных и исправительных (далее — Уложение), а не особо смягчающими вину обстоятельствами, предусмотренными статьей 755 УСС.

Из разъяснений Сената, начиная с 1867 года, следовало, что суд может смягчить наказание независимо от мнения присяжных заседателей

и в отсутствие соответствующего вердикта, в соответствии со ст. 774 УУС, установив особые обстоятельства. Вместе с тем наличие таких возможностей у председательствующего судьи было воспринято не всеми научными деятелями того времени. Например, по мнению Н. С. Таганцева, наличие соответствующих прав председательствующего противоречило принципу распределения полномочий между присяжными заседателями и председательствующим, поскольку установление факта наличия или отсутствия тех или иных обстоятельств по делу, в том числе и смягчающих вину и наказание виновного, является прерогативой исключительно присяжных заседателей. В противном случае существовала возможность создания ситуаций, при которых судья признает существование таких обстоятельств, которые присяжными установлены не были, внося тем самым противоречие в приговор [2].

Непосредственно сам вопрос о наличии смягчающих обстоятельств заявлялся присяжными самостоятельно, а не ставился председательствующим. В случае если на возможность применения к виновному снисхождения указывало 6 человек, то в ответном листе добавлялось, что подсудимый заслуживает снисхождения.

Тем самым на законодательном уровне устанавливалась возможность вынесения подсудимому вердикта о снисхождении только в результате наличия исключительных обстоятельств, а не из жалости, проявленной к обвиняемому. Данный вывод подтверждается также тем, что в последующем в статье 814 УУС внесены изменения, касающиеся вопроса о том, заслуживает ли подсудимый снисхождения, заменен на вопрос о наличии в деле обстоятельств, в силу которых подсудимый может быть признан заслуживающим снисхождения. При этом присяжным запрещалось руководствоваться своими представлениями, не относящимися к преступлению или личности виновного, например такими, как суровость наказания, бессмысленность уголовного закона, ни, тем более, своими политическими или социальными позициями и установками.

Таким образом, можно утверждать, что в отличие от ныне действующего законодательства, присяжным заседателям не только не запрещалось при вынесении вердикта учитывать личность подсудимого, но и устанавливалась обязанность в тщательном ее изучении.

Поскольку признание виновного заслуживающим снисхождения и назначение наказания с учетом статьи 828 УСС признано недостаточным, развивая институт присяжных заседателей,

последним предоставлено право, ранее принадлежавшее только председательствующему, на обращение к монарху с ходатайством о необходимости применения к подсудимому чрезвычайного снисхождения. Если присяжные заседатели в своем большинстве приходили к выводу о наличии в деле исключительных обстоятельств, служивших основанием к возбуждению ходатайства о чрезвычайном смягчении наказания или даже об освобождении подсудимого от наказания, то присяжные на особом листе указывали на необходимость обращения к Императору с таким ходатайством; в случае если к этому ходатайству присоединялся и председательствующий судья, то данное ходатайство направлялось Императору [2].

При этом необходимо было определить наказание, возможное к назначению по соответствующей санкции статьи с использованием всех предоставленных средств по его уменьшению, а также с обоснованием исключительных обстоятельств, установленных по делу и являющихся основанием для обращения к монарху, при наличии которых даже назначение самого мягкого из предусмотренных мер наказания не соответствует принципам справедливости, с указанием наказания, предположительно заслуженного для назначения или необходимости полного помилования подсудимого.

Отсутствие у суда возможности снизить наказание более чем на 2 степени имело исключение, а именно, согласно статье 135 Уложения в случае смягчения наказания за преступления и проступки печати.

Вердикт присяжных о снисхождении не стеснял суд в определении меры наказания в пределах избранной судом степени. Смягчая наказание суд должен был, в первую очередь, определить то наказание, которому данное лицо подвергалось бы при его отсутствии, а затем уже понизить это наказание на одну или две степени.

Если подсудимый был несовершеннолетним, то суд, во-первых, должен был определить наказание, которому подвергался бы совершеннолетний за данное деяние, затем применить закон о смягчении наказания по несовершеннолетию и лишь потом правила статьи 828 УСС.

При этом по законопроекту 1897 года предполагалось исключить из-под юрисдикции суда с участием присяжных дела, по которым обвиняемыми проходили малолетние, не имевшие взрослых соучастников, «ввиду того влияния, которое может иметь торжественность этой формы рассмотрения дел на впечатлительную натуру молодых подсудимых» [2], но при

рассмотрении проекта в Государственном Совете он был отклонен.

Законодательно было закреплено, что признание подсудимого заслуживающим снисхождения относится не к свойствам преступления, совершенного подсудимым, а к свойствам его личности, поэтому, если обвинялось несколько человек, то заслуживающим снисхождения присяжные могли признать одного из них.

Вместе с тем имелось исключение: наказание не смягчалось даже при наличии снисхождения присяжных за принадлежность к скопческой ереси.

В 1903 году было принято новое Уголовное уложение, приоритетом в котором признана устрашающая роль наказания. Так, по мнению Особого присутствия соединенных департаментов Госсовета, где проект Уголовного уложения проходил последнюю наиболее важную экспертизу, «лестница наказаний, являясь орудием, которым государство ведет борьбу с преступностью, должна удовлетворять многим условиям; заключающиеся в ней наказания, содействуя исправлению лиц, виновных в преступлениях, должны вместе с тем устрашать всех помышляющих вступить на путь преступности; в то же время они должны отвечать чувству справедливости; не будучи жестоки, они не должны, однако, своею слабостью возбуждать представления о легкости последствий преступных деяний» [3].

Статья 53 нового Уголовного уложения регламентировала, что лицу, признанному присяжными, заслуживающим снисхождения, не назначается высшая мера наказания, предусмотренная за данное преступление. В случае наличия в санкции статьи низшего предела наказания у суда имелась возможность назначить наказание по низшему пределу карательной меры; в случае если санкция соответствующей статьи не предусматривала низший предел возможного наказания, суд мог уменьшить наказание до низшего предела, предусмотренного данным видом наказания; перейти к более мягкому наказанию [4].

До принятия Закона от 2 марта 1910 года присяжным заседателям запрещалось знать о виде и размере наказания, которому мог быть подвергнут обвиняемый ввиду наличия подозрений в склонности последних к его смягчению. В результате неинформированность о виде и размере уголовной санкции приводило либо к необоснованному оправданию подсудимых из боязни, что его постигнет чересчур суровая кара [5, с. 6], либо к несправедливому обвинению, впоследствии вынуждавшего

присяжных заявлять, что «вердикт их — грустная ошибка» [6, с. 6].

«Размеры ожидаемого наказания весьма озабочивают присяжных. Так, по отношению к рецидивистам, обвиняемым в краже и значительное время пробывшим в предварительном заключении, присяжные нередко принимают систему зачета, то есть признают, что предварительное тюремное заключение явилось для них достаточным наказанием. Соображения относительной справедливости (забота об одинаковой судьбе равновинных) так сильна в присяжных, что один зачет влечет за собой неминуемо другой; однажды, после зачета предварительного заключения рецидивисту, сознавшемуся и оправданному в совершенной им третьей краже, было поставлено на проверку этого положения дело другого рецидивиста: присяжные после долгого совещания вынесли вопросный лист, на котором был записан и затем зачеркнут вердикт — виновен, а ниже исправлено — невиновен [7, с. 37].

Оценивая степень вины подсудимого, заседатели исходили из собственных представлений о допустимом и жизненных ценностях; многих заседателей замечали за изучением уголовных норм, поскольку им было важно знать степень соответствия своего вердикта и уголовной санкции [8, с. 33].

Как указывал И. Г. Щегловитов, строгость закона не может запретить присяжным заседателям при вынесении вердикта учитывать наказание, ожидающее подсудимого, поскольку народные судьи никогда не смогут освободиться от вопроса о последствиях принятого ими обвинительного вердикта. «Вопрос этот для каждого судьи, добросовестно исполняющего свои обязанности, имеет, конечно, первостепенное значение. Поэтому закон должен не противодействовать желанию присяжных знать наказание, ожидающее подсудимого в случае осуждения, а напротив того, обеспечить им возможность иметь всегда точные знания по этому предмету, что вполне может быть достигнуто разъяснениями в судебном заседании сторон и председателя» [9, с. 198].

Вынесение справедливого вердикта естественным образом связывалось с соблюдением требований закона председательствующим, в полномочия которого входило объяснение присяжным сложных обстоятельств дела, что периодически игнорировалось коронными судьями, приводя к появлению «случайных вердиктов», в которых, например, присяжные могли отрицать вину подсудимого, указывая при этом на прямой

умысел; или могли, в отсутствие надлежащих разъяснений судьи, положить в основу вердикта мнение старшины, которого ставили своим «начальством»; признать подсудимого «виновным, но заслуживающим уважения» и т. п. [10, с. 3].

Закон 2 марта 1910 года, вменявший в обязанность председательствующему объяснять присяжным заседателям грозящее подсудимому наказание, положил начало новой эры для суда присяжных. Теперь защитник мог указать присяжным заседателям на строгость возможного к назначению подсудимому наказания, но за то в противовес такому заявлению и представителю обвинения представлялось право отклонить его новым заявлением о том, что существует и низшая мера наказания, что применение к подсудимому снисхождения присяжных еще более понизит эту меру [11, с. 190].

Ставя наказание, как последствие вердикта, в ряды обстоятельств дела, обсуждение которых должно привести присяжных к вопросу о виновности подсудимого, законодатель не мог, конечно, иметь в виду удовлетворение одной только психологической потребности присяжных — знать последствия своего вердикта. На первом плане здесь, прежде всего, было желание дать судье полную возможность приговором своим влиять на меру возможного наказания [11, с. 191].

Таким образом, подытоживая исследование, приходим к выводу, что развитие института присяжных заседателей в России в части назначения наказания не обладает исторической преемственностью. Современный российский суд, рассматривающий дела с участием присяжных заседателей, обладает меньшими правами в пределах его компетенции и правилах назначения наказания, по сравнению с соответствующими полномочиями при назначении наказания в дооктябрьской России.

Список источников

1. Журнал Государственного Совета. 1862. № 65.
2. Таганцев Н. С. Курс уголовного права. СПб., 1902.
3. Упоров И. В. Регламентация наказания в виде лишения свободы в Уголовном Уложении 1903 года // Журнал российского права. 2002. № 7.
4. Новое уголовное уложение, выс. утв. 22 марта 1903 г. СПб: кн. маг. В. П. Анисимова, 1903.
5. Викторский С. И. О резюме председателя // Русская мысль. 1895. № 4.
6. Абрамович К. Общественно-юридические картинки // Судебная газета. 1887. № 2.
7. Бобрищев-Пушкин А. М. Эмпирические законы деятельности русского суда присяжных. М., 1896.

8. Протокол заседания уголовного отделения юридического общества при Санкт-Петербургском университете 21 мая 1877 года // Журнал гражданского и уголовного права. 1878. Кн. I.

9. Щегловитов И. Г. Французский законопроект о предоставлении присяжным заседателям постановлять приговор о наказаниях // Журнал Министерства юстиции. 1901. № 6.

10. Трахтенберг Г. Нарушения устава уголовного судопроизводства, признанные уголовным кассационным департаментом безусловно существенными // Судебный вестник. 1869. 12 сентября. № 192.

11. Васютинский М. По поводу закона 2 марта 1910 года об оглашении перед присяжными заседателями грозящего подсудимому наказания // Журнал Министерства юстиции. 1910. № 5.

References

1. *Journal of the State Council*, 1862, no. 65. (In Russ.)
2. Tagantsev N. S. Course of criminal law. St. Petersburg, 1902. (In Russ.)
3. Uporov I. V. Regulation of punishment in the form of life imprisonment in the Criminal Code of 1903. *Journal of Russian Law*, 2002, no. 7. (In Russ.)

4. New criminal code, vvs. approved March 22, 1903. St. Petersburg: book. mag. V. P. Anisimova Publ., 1903. (In Russ.)

5. Viktorsky S. I. On the summary of the chairman. *Russian Thought*, 1895, no. 4. (In Russ.)

6. Abramovich K. Socio-legal pictures. *Judicial newspaper*, 1887, no. 2. (In Russ.)

7. Bobrishev-Pushkin A. M. Empirical laws of the Russian jury. Moscow, 1896. (In Russ.)

8. The protocol of the meeting of the criminal department of the legal society at St. Petersburg University of May 21, 1877. *Journal of Civil and Criminal Law*, 1878, book I. (In Russ.)

9. Shcheglovitov I. G. French bill on granting jurors to decide on punishments. *Journal of the Ministry of Justice*, 1901, no. 6. (In Russ.)

10. Trakhtenberg G. Violations of the statute of criminal proceedings, recognized by the criminal cassation department as unconditionally significant. *Judicial Bulletin*, 1869, September 12, no. 192. (In Russ.)

11. Vasyutinsky M. Regarding the law of March 2, 1910 on the announcement to the jury of the threat to the defendant punishment. *Journal of the Ministry of Justice*, 1910, no. 5. (In Russ.)

Статья поступила в редакцию 25.07.2022; одобрена после рецензирования 15.08.2022; принята к публикации 30.08.2022.

The article was submitted 25.07.2022; approved after reviewing 15.08.2022; accepted for publication 30.08.2022.